Екатерина Орех, Ольга Сергеева

Между телом эпохи и телом киборга: полюса и точки роста социологических исследований телесности

Статья посвящена социологическим исследованиям телесности и представляет опыт двух эмпирических разработок, выполненных в рамках этой темы. Первый исследовательский кейс посвящен презентации телесности в изображениях советских вождей. Второй — преодолению физической немощи с помощью компьютера. Авторы проблематизируют эвристические возможности разных подходов в социологическом развитии темы телесности.

Ключевые слова: тело, репрезентация, образ вождя, технология, компьютер, болезнь.

Проблематика человеческой телесности выходит на авансцену научного анализа социологов сравнительно недавно — когда акцент исследовательских интересов смещается на изучение мира повседневности. Телесная составляющая человеческого существования в качестве полноценного объекта изучения социолога становится легитимной в связи с пересмотром понятия смысла социального действия. Оставаясь в традиции понимающей социологии, но фокусируясь на анализе нерефлексируемого, повторяемого, типичного в действиях человека, мы в определенном смысле преодолеваем веберовский подход, в котором социальное виделось возможным понять через анализ рационального действия индивида, а человеческое тело не несло никакого самостоятельного

Орех Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Научные интересы: визуальный анализ социологической информации, современная социологическая теория и методология. E-mail: ek.orech@mail.ru

Сергеева Ольга Вячеславовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета. Научные интересы: социология медиа, социология повседневности, исследование науки и технологии. E-mail: sergeyeva.olga@mail.ru

значения и потому оставалось за скобками рассмотрения. Феноменологический метод определяет телесные характеристики человека как «базисное знание», исходя из которого субъект действия строит свою активность в мире.

До «прагматического поворота» телесность не являлась предметом самостоятельного социологического анализа; даже если тело попадало в теоретические разработки (как, например, в неомарксизме или структурном функционализме), то рассматривалось преимущественно в биологическом ключе, как нечто, что человеку удается или не удается контролировать, следует уметь преодолевать. В 1950-е годы телесность попадает в фокус социального анализа, хотя и не как самостоятельный предмет изучения: некие характеристики тела (возрастные, расовые особенности, наличие больного тела и т. п.) выступали для приверженцев социальной модели инвалидности или социальных геронтологов в качестве лакмусовой бумажки для проявления проблем социального неравенства и дискриминации [Ярская-Смирнова, 2011; Barnes, 2012]. С другой стороны, существовала антропологическая традиция изучать тело как некое вместилище, носитель или транслятор социальных и культурных смыслов, подлежащих дешифровке [Тернер, 1994]. Взгляд на телесном фиксировался постольку, поскольку эти характеристики позволяли сделать выводы о культурных основаниях социальной организации.

За границами такого анализа оставался целый пласт проблем, интерес к которому и был актуализирован исследованиями повседневности. Приобретает значение изучение субъективного опыта восприятия, оценивания, переживания человеческого тела (переживания болезни, опыт нетипичного тела, опыт тела со стигмой и т. п.). Социологические исследования телесности в этом контексте, помимо И. Гофмана [Гофман, 2001а, 2001б], определяются вкладами феминистской социальной теории, развивающей критику табуирующей и организующей женскую телесность власти [Bordo S., 1995; Butler J., 1993]; так называемых gay-lesbian studies, акцентирующих внимание на нетипичном телесном опыте геев, лесбиянок и трансгендеров [Drummond M. J. N., 2005; Jones J., Pugh S., 2005; Pope H., Phillips K., Olivardia R., 2000].

Не менее интересным в контексте исследований телесности становится анализ практик функционирования тела, имеющих место по отношению и в связи с телом (например, презентации телесности). Данное направление связано и с исследованиями технологий (например, медицинских, медийных), поставивших вопросы социальных последствий технического достраивания человеческого организма. На фоне возрастающего внимания социологов к телесности хотелось бы отметить, что предостережение М. Фуко о том, что тело не может быть уменьшено до биологии и механики, сегодня дополняется мнениями в духе Д. Харавей, повторяющей, что

границы биологического, механического и социального создаются нами.

Свою задачу в рамках данной статьи мы видим в демонстрации возможных направлений и точек роста исследований телесной проблематики, актуализированных феноменологическим методом. Возможные перспективы дальнейших исследований будут обозначены нами на материалах двух кейсов — двух вариантов анализа телесности. Кейсы представляют собой самостоятельные исследования, тематически отличающиеся друг от друга, но объединенные общей проблематикой исследования тела — особенностей презентации образа тела и особенностей достраивания человеческого тела с помощью современных технологий.

Кейс 1: Тело эпохи в репрезентациях образов советских вождей

Проблематика первого кейса связана с изучением трансформации способов презентации советской телесности, а еще точнее, речь пойдет о визуальной презентации советской политической элиты. Существенным источником для изучения телесности является анализ визуальных материалов, в частности фотографий, хотя и не только их. В фокусе социологического анализа изображений так или иначе находится человеческое тело. В зависимости от поставленных исследовательских задач социологический анализ запечатленной на изображениях телесности может проводиться по разным направлениям. Например, можно пытаться дешифровать образ с точки зрения смысла, заложенного в презентации (именно такого, а не иного) тела, его отдельных характеристик. Этот вариант анализа нацелен на выявление ценностных оснований конструирования социальной действительности; телесность в данном случае может быть рассмотрена как некий конструкт. Подобный анализ делается в ряде публикаций, посвященных образу советского человека, советской женщины, советского вождя [Bonnell, 1997; Дашкова, 2013]. Так, Галина Орлова приходит к выводу, что отличительными чертами канонического образа простого советского человека на фотографиях являлись взгляд, направленный в некую точку за пределами изображения — предположительно в «светлое будущее», широкая улыбка, позиция «наблюдателя» [Орлова, 2006].

Существует немало других интересных наблюдений и выводов, являющихся результатом работы по смысловой дешифровке содержания изображений тела. Несколько иного плана анализ подразумевает стремление зафиксировать устойчивые к попыткам «раскачивания» основы телесного опыта людей. Такую попытку делает нью-йоркский фотограф Дэвид Атти, устраивая нечто вроде

фотоэксперимента в 1976 году в Киеве и приглашая сняться в жанре автопортрета простых советских граждан. Результатом его работы является серия фотодокументов, зафиксировавших советскую телесность как некий историко-культурный тип. Дешифровка смыслового содержания границ существования советской телесности, устойчивых форм реализации тела в пространстве (допустимых поз, мимики, движений) позволяет делать выводы о неких культурных нормативах, воплотившихся в подобных телах. По мнению Оксаны Гавришиной, описавшей и проанализировавший эксперимент Атти, в советской телесности отражены дисциплина тоталитарного общества, его жесткая иерархизированность, ориентация на поддержание тела в состоянии физической подтянутости. Интересно, что наряду с этим о советских людях можно говорить как о несколько инфантильных [Гавришина, 2011].

Интересной задачей представляется рассмотрение практик презентации телесности в исторической перспективе. Такой взгляд, сконцентрированный на изучении становления и функционирования канона презентации, а также изменений, которые происходили в подаче образа (оставаясь при этом в смысловых рамках, заложенных каноном), дает возможность анализа процесса структурирования и упорядочивания социальных взаимодействий, происходящего стихийным образом, «изнутри».

Образ советского вождя, транслируемый с помощью различных медийных средств — тема, интерес к которой актуализирован только в последние годы [Булгакова, 2005; Кинг, 2005; Плампер, 2010]. Формирование изобразительного канона — кропотливый и долговременный процесс. Применительно к молодому советскому государству каноны изображения как обычного простого советского человека, так и «не обычного» — героя, вождя, руководителей — выкристаллизовались к первой половине 1930-х годов. Появившись, канон презентации советского вождя воспроизводится на протяжении всего существования СССР без каких-либо серьезных изменений. Представления о подобающем вождю внешнем виде и демонстрации определенных качеств транслировались через десятилетия.

Какой он, советский Вождь?[1] Он — ни в коем случае не старый, по крайней мере, физически крепкий и подтянутый. Он может быть не красив, но он абсолютно точно не уродлив. В этом смысле

1 Выборкой для анализа послужили изображения вождей из газет 1917–1991 гг. из интернет-архива советских газет (сайт www.oldgazette.ru, 1662 шт. газет), и изображения, найденные в интернет на других сайтах, хранящих подборки или отдельные экземпляры центральных и местных советских газет.

показательны варианты презентации Н. С. Хрущева, чья фигура не отвечала представлениям о правильном (то есть дисциплинированном, спортивном, тренированном) теле советского человека. С помощью точки съемки решался вопрос с презентацией недостатков телесности (фотография 1). С помощью ретуширования скрадывался возраст: мы не увидим немощных стариков на трибуне мавзолея или в президиуме съезда.

— Чтобы скрыть следы преступления,—говорит Н. С. Хрущев,—летчику внушили, что он не должен попасться живым в руки советских властей. Для этого его снабдили специальной булавкой. Он должен был уколоть себя этой булавкой с ядом, от которого наступила бы моментальная смерть.

Фото С. Гурарий.

Фотография 1. Заключительное слово Н. С. Хрущева на заседании Верховного совета СССР.
Труд. 8 мая 1960 г. № 109 (11 973). С. 1.

Советский Вождь потому «советский», что излучает — именно излучает — уверенность, спокойствие и мудрость. Спокойствие визуализируется выверенностью и минимализмом жестикуляции, скромным арсеналом эмоций, а уверенность в себе, помимо вышеназванного, — гордой посадкой головы, прямой спиной. Советские вожди не зафиксированы фотографом в минуты раздумий (над судьбой страны или собственными проблемами), в минуты принятия судьбоносных решений. Эффект «отпечатанной» на лице советских вождей мудрости получался за счет использования специальных приемов подсветки или высвечивания лбов, профилей лиц пучками лучей. Запечатленные фотографами советские вожди могли не улыбаться, однако их образы нельзя охарактеризовать прилагательными «суровый», «грозный», «жесткий», «жестокий», «устрашающий». Эффект некоторого добродушия достигался за счет использования специальной оптики, придающей мягкость очертаниям и размытость контурам лиц и фигур.

Существуют работы, посвященные образу И. Сталина, сложившемуся канону его представления на фотографиях, портретах, иных изображениях. По сути, изобразительный канон Сталина полностью соответствовал вышеописанным критериям презентации вождей, за исключением лишь одной детали: речь идет о дополнительно выработанных стратегиях выделения Иосифа Виссарионовича на изображениях. В стратегии визуального выделения на фоне остальных вождей партии использовались размеры фигуры Сталина (не ниже остальных или даже выше), место на изображении (центр), цвет одежды (одет во все светлое, например, в белый китель на фоне остальных темных костюмов или наоборот), его жесты (поднимает руку выше, чем другие партийные руководители), поза и др. [Плампер, 2010, с. 67–68].

К сожалению, источниковая база не позволила провести достойного анализа фотопрезентаций Ленина в центральных и местных газетах при его жизни. На то есть несколько объективных причин: возможности фотопечати того времени были очень скромны, финансовые ресурсы, отпущенные на выпуск газет — еще скромнее. Поэтому применительно к этапу с Октябрьской революции до середины 1920-х годов мы будем говорить не столько о презентациях фигуры Вождя революции в газетах, сколько о принципах презентации его образа в фотографиях вообще.

Нам не удалось обнаружить никаких упоминаний о том, что существовали специальные предписания по поводу фотографирования Владимира Ильича при его жизни — вероятно, их и не было. Как не было у Ленина и своего «личного» фотографа. Считается, что наиболее удачные снимки принадлежат Моисею Наппельбауму, которому организовали партийную фотостудию ВЦИКа. По воспоминаниям многих фотографов, которым приходилось снимать вождя «мирового пролетариата», Ленин сниматься не любил, а подчинялся этому как неизбежной необходимости. Об этом же пишет бывший секретарь Сталина Борис Бажанов в своих воспоминаниях: «Во время ленинского доклада придворный фотограф (кажется, Оцуп) делает снимки. Ленин терпеть не может, чтобы его снимали для кино во время выступлений — это ему мешает и нарушает нить мыслей. Он едва соглашается на две неизбежных официальных фотографии» [Бажанов, 1992].

Являлся ли образ Владимира Ильича на фотографиях результатом чьей-либо продуманной работы, целенаправленного стремления представить его так, а не иначе? Наверное, следует сделать вывод, что при жизни Ленина подобной работы не проводилось. Место в кадре его фигура могла занимать самое разнообразное — как центральное, так и любое другое. Нередкими для его фотоизображений являются снимки, на которых вождь революции среди прочих лиц и фигур угадывается не сразу, никоим образом не выделен, как, например, на фотографии Ф. Феофанова, запечатлевшего Ленина на открытии

Кашинской электростанции. Существуют фотоизображения Ленина, выступающие яркими свидетельствами того, что он мог производить впечатление растерянного, задумчивого, расслабленного человека (например, снимок, на котором Ленин запечатлен после заседания I Всероссийского съезда по просвещению). Также Владимир Ильич далеко не всегда является главным героем фотоизображения, а значит, вообще говоря, фотография могла быть посвящена не лично Ленину или его действиям, а событию, на котором он лишь присутствовал (фотография 2).

Фотография 2. В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на Красной площади в Кремле в ходе демонстрации, посвященной первой годовщине Великой октябрьской революции. Москва. 7 ноября 1918 г. Источник: интернет-архив marxists.org

При рассмотрении центральных и местных газет тридцатых-сороковых просто поражает скупость фотообразов Ленина. Безусловно, Вождя революции не могут не вспомнить в связи с определенными датами (день его рождения, день смерти, годовщины революции), но за пределами этих дат Ленин визуально не представлен. Зачастую один и тот же кадр предпочитали публиковать многократно в ущерб разнообразию: так, на день рождения Ленина на первой полосе газеты «Правда» многие годы печатался общеизвестный классический снимок сентября 1922 года «Сталин с Лениным в Горках», на котором запечатлен Ленин, приходивший в себя после инсульта.

Причиной скромной представленности визуального образа Ленина, возможно, и является тот факт, что канон репрезентации представителей советской власти в начале — середине 1930-х годов уже сформировался, и имевшиеся фотографии Владимира Ильича не отвечали требованиям, предъявляемым к визуальному представлению советского вождя.

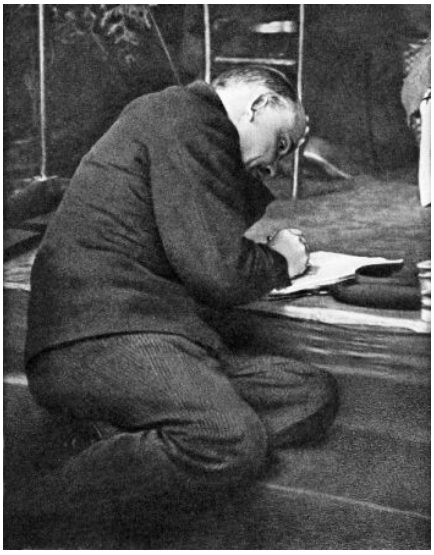
Рассмотрим имеющиеся в архивах фотоизображения Ленина. После просмотра череды фотографий можно сделать вывод, что Ленин на снимках очень разный. На каких-то он органично вписан в окружающий контекст, представлен как один из остальных. Однако есть целый ряд фотографий, после просмотра которых возникает устойчивое ощущение, что Ленин выглядит диссонансно на фоне присутствующих, «иным» — чаще всего, благодаря своей одежде и позам. Редки кадры, на которых Ленин представлен в шинели и плотно надвинутой на лоб шапке; иногда мы можем увидеть Ленина, одетым в китель; в большинстве же случаев встречаются фотографии, на которых Ленин предстает в костюме-тройке, в белой рубашке с классически завязанным галстуком, в начищенных до блеска ботинках. Даже в ситуации субботника в Кремле, когда Ленин по легенде помогает нести бревно, он одет «с иголочки». Иногда только лишь кепка, надетая на голову или сжатая в кулаке волевой руки, маркирует Ленина как Вождя советских рабочих, а не, например, буржуазии (фотография 3).

Фотография 3. Ленин принимает парад войск Всевобуча. Москва. 25 мая 1919 года. Источник: интернет-архив photochronograph.ru

Особое внимание при анализе фигуры Владимира Ильича на фотографиях стоит уделить жестикуляции и позам. По воспоминаниям современников, Ленину была свойственна

чрезвычайная подвижность, он обладал живой мимикой, активно жестикулировал, выступая — все это хранят фотографии тех лет. Позы, в которых он мог быть сфотографирован — самые разнообразные: от прямой спины с рукой в кармане до сидящего, сгорбившись, на ступенях лестницы (фотография 4). Сравним с образами советских вождей с их минимализмом жестов и эмоций, спокойствием и запечатленной мудростью на лицах, где во всех деталях внешнего вида сквозит идея уверенности в себе — и обнаружим огромную разницу.

Фотография 4. В. И. Ленин на заседании III Конгресса Коминтерна, делает записи, сидя на ступеньках трибуны. Москва. Июнь-июль 1921 г.

Мы зафиксировали ранее, что Ленин на фотографиях не обязательно выглядел Вождем, а мог быть представлен как Человек, однако демонстрация человечности образа в сталинский период уже не была актуальна. Представляется, что не только активная жестикуляция и разнообразие поз не соответствовали представлениям о том, каким должен быть Вождь нового государства, но и, главным образом, одежда, внешний вид, демонстрировавший идентификацию Ленина отнюдь не с простонародьем, не позволяли говорить о Ленине как о советском Вожде. Возможно, это — один из значимых, если не основной, фактор, определивший способы презентаций образа Владимира Ильича и их немногочисленное количество в период после его смерти.

В контексте вышеизложенного нас интересует работа, осуществлявшаяся по встраиванию «неудачной» с точки зрения канона ленинской телесности в контекст советской пропаганды,

а также по способам дальнейшей ее трансляции (ведь значимость образа на разных этапах существования советского государства менялась; были периоды актуализации ленинской фигуры — например, в связи с переоценкой роли И. В. Сталина, но не только). Проанализируем динамику газетных презентаций В. И. Ленина в советской истории, определим черты, характеризующие изменения в подаче образа Вождя мировой революции.

Первая тенденция в динамике репрезентации Ленина — *упрощение*, связанное со сменой формата визуального документа, а также *исчезновение реальности*. Постепенно мы видим отход от презентаций Ленина в фотографиях в сторону демонстрации образа с помощью изображений (примитивных рисунков, образов Ленина на гравюрах, платках, коврах, бюстах и статуях и т. п.), не претендующих на точное сходство с его внешностью, а являющихся лишь достаточно абстрактным указанием на истинный образ Вождя (фотографии 5, 6, 7). Надо подчеркнуть, что в ряде случаев мы сталкиваемся с изображениями изображений: зачастую в газетных публикациях стали транслироваться изображения памятников Ленину, в том числе, мавзолея; рисунки, содержащие, среди остального, образы Владимира Ильича — например, портрет на стене, и т. д. Говоря языком постмодернистской социальной теории, образ Ленина репрезентировали симулякры второго и третьего порядка.

Выступление В. И. Ленина на проводах частей Красной Армии, отправляющихся на польский фронт (репродукция с картины художника И. Бродского).

Фотография 5. Репродукция с картины И. Бродского, напечатанная в газете «Известия» к очередной годовщине со дня смерти Ленина. Картина выполнена по одноименной фотографии Л. Леонидова «Речь Ленина на Свердловской площади в день отправки войск на польский фронт» 5 мая 1920 г. Источник: Известия. 21 января 1938 г. №18. С. 3.

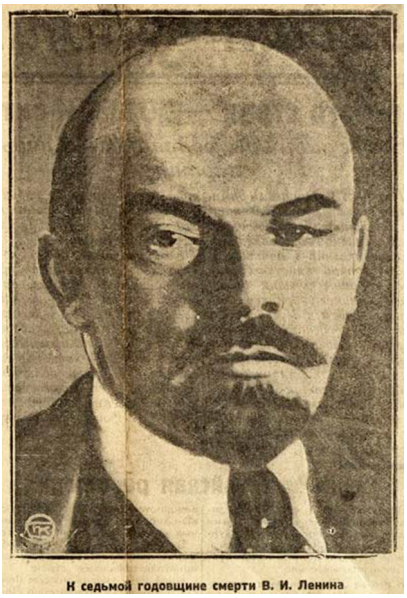

Фотография 6. Разворот страницы газеты «Советское искусство», посвященной годовщине со дня смерти Ленина. Источник: Советское искусство. 22 января 1939 г. № 11. С. 2.

Фотография 7. Рисунок художника П. Васильева: В. И. Ленин, И. В. Сталин и В. М. Молотов в редакции газеты «Правда». Источник: Амурская правда. 5 мая 1946 г. № 92. С. 1.

Второй момент репрезентации Ленина связан с тенденцией к *дистанцированию.* Фотография лица крупным планом и даже рисунок, претендующий на портретное сходство, дает нам возможность виртуального «общения» с личностью (фотография 8). От акцентирования внимания на лице, от изображения лица крупным планом мы видим постепенный переход к демонстрации фигуры в целом, а потом — образа на заднем плане в качестве некой эмблемы (фотографии 9, 10). Апогеем являются фотографии мавзолея с высоты птичьего полета, а также длинной очереди из советских граждан, выстроившейся почтить память Вождя революции. Другой стороной тенденции к дистанцированию является эффект *обесценивания личностного*: помимо вышесказанного, стоит отметить, что Ленин достаточно редко представлен в одиночестве — обычно в паре с кем-то или даже среди группы людей. Сюда же относится стремление представлять образ Ленина не анфас, а в профиль: так теряется важная коммуникативная составляющая изображения, отсутствует возможность (пусть и символического) контакта глазами.

Фотография 8. Источник: Борьба. 21 января 1931 г. № 30. С. 1.

Фотография 9. Источник: Советское искусство. 22 января 1945 г. С. 3.

Фотография 10. Источник: Правда. 22 апреля 1970 г. № 112. С. 8.

Третий момент — постепенное застывание, *затвердевание образа*. Даже когда речь идет о раннесоветских (хотя уже посмертных) презентациях вождя мировой революции, далеко не на всех изображениях он представлен в динамике, но с течением времени можно констатировать (практически) полное вытеснение динамичных образов статичными.

Давая объяснение причинам изменений, произошедших в способе репрезентации образа В. И. Ленина, нам придется отказаться от мысли о *постоянно ведущейся* невидимой миру работе, осуществляемой специально обученными людьми, по презентации нужного образа, производству нужного впечатления, управлению эмоциями. Безусловно, на этапе становления канона презентации советских вождей могли иметь место указания по поводу того, какие изображения лучше пустить в печать, а какие — оставить за кадром. Известно, что с конца 1920-х «работа» над имевшимися ленинскими изображениями стала проводиться по указанию И. Сталина [Бажанов, 1992; Кинг, 2005]. Но эта целенаправленная работа по отбору «нужных», «правильных» снимков не могла

осуществляться перманентно и даже сколь-нибудь долгое время. Едва ли на протяжении всего советского периода существовали инструкции, едва ли поступали некие прямые указания о том, как надлежит публиковать, а также снимать высших руководителей партии и правительства, в частности, как следует преподносить образ Вождя революции. Известно, что подобного рода указаний *напрямую* не давалось фотографам даже в сталинские времена: опыт каждого нового дня, выражающийся в новых сделанных снимках, корректировал их работу непосредственно, доводя внутреннее ощущение того, как и какую фотографию надлежит сделать, до совершенства. Предположительно, фотографы бессознательно ощущали позировавших членов партии и правительства в их желании быть представленными определенным образом, а редакторы газет чувствовали и понимали, какие именно изображения следует подать в номер. Они действовали в рамках сложившихся требований канона, а в остальном полагались на свои собственные ощущения и ощущения снимавшихся людей. Предположительно, это то самое, что П. Бурдье обозначил как габитус. Этими нерефлексируемыми практиками презентации образов осуществлялась масштабная работа по упорядочиванию и выстраиванию взаимодействий в рамках советского проекта.

Таким образом, изменение репрезентаций телесности, встраивание нетипичной, «неправильной» телесности в контекст, в котором она должна выступать важной составляющей государственного проекта, не рассматривается нами как целенаправленный и подконтрольный процесс смыслового конструирования. Скорее, это процесс, подчиняющийся некой иной логике социального упорядочивания изнутри. Упрощение (примитивизация) — важнейший механизм встраивания несоответствующей канону телесности в нужные рамки; деперсонификация, увеличение уровня абстрактности изображения, увеличение дистанции — практики презентации образа ушедшего человека новым поколениям, выработанные рутинной нерефлексируемой деятельностью фотографов и редакторов.

Кейс 2: «И все под рукой у меня...»

Исследование практик социального транслирования образа телесности, представленное в первой части работы, может быть дополнено актуальной темой изменения возможностей тела за счет использования человеком технологий (и их инкорпорирования, то есть в прямом смысле внесения технических «добавок» в тело). Новый телесный опыт человека в данном случае будет зависеть от его понимания и /или от ощущения вклада технологии в изменившиеся техники тела. С точки зрения социологии, мы

считаем, можно говорить о *со-конструировании* тела и технологии и применять аналитические ресурсы SCOT (social construction of technology), для того чтобы исследовать человеческое тело, ставшем миксом биологического, социально сконструированного и инженерно сконструированного.

Например, человек плохо слышит и вынужден носить слуховой аппарат. Является ли это устройство тем, что помогает полноценно жить? А, может, этот аппарат — клеймо несовершенства в силу возраста или болезни? Он может также быть воплощением социальной политики государства, направленной на устранение эксклюзии среди граждан. На этом примере мы видим ситуацию, называемую аналитиками SCOT «ткань без шва» [Bijker, 1995, p. 249], и можем провести деконструкцию, раскрывающую, каким образом в ношении слухового аппарата пересекаются действия людей, действия технологии, действия институций.

Итак, мы постараемся проанализировать в методологии SCOT один кейс работы технологии, а именно персонального компьютера, в жизни инвалида. Рассматриваемый нами эпизод выявлен в ходе исследования пожилых пользователей компьютера в Волгоградской области в 2011- 2012 гг., но здесь нами используются данные интервью только одного респондента, Зинаиды Михайловны (имя изменено), 75 лет, жительницы Волгограда, школьного учителя физики на пенсии.

Идеи подхода SCOT обусловлены стремлением его последователей избегать, с одной стороны, крайностей социального конструктивизма, с другой — технического детерминизма, в социологических исследованиях технологий. Ведущие авторы В. Байкер и Т. Пинч считают, что воздействие технологии на общество и формирование технологии обществом являются дополнительными явлениями, и эта взаимозависимость различных влияний отражена в концепте *социотехнических ансамблей*. Более того, согласно SCOT, даже само различие между социальным и техническим не может быть сделано априорно, поэтому надо раскручивать событие за событием в истории какого-либо устройства, чтобы понять сплав сил в социотехническом ансамбле.

Важный аналитический инструмент SCOT — понятие *релевантных социальных групп*. Технические приборы (артефакты) представляют собой то, как их видят члены релевантных социальных групп, то есть артефакты конституируются благодаря социальным взаимодействиям. Можно говорить об *интерпретативной гибкости* той или иной вещи, поскольку можно проследить отличающиеся значения, предписанные этой вещи различными релевантными социальными группами [Bijker, 1995, p. 251-252]. Внимание SCOT

направлено, прежде всего, на технические инновации, за этим стоит стремление показать, как нынешняя незыблемость какой-либо технической практики являлась сомнительной, и конструктивные особенности устройства, также как и его функции, были открыты для интерпретации в среде пользователей и пластичны для инженерной доработки в среде специалистов.

Нестабильный статус нового технического устройства, проявляющийся в пользовательских дебатах и даже смятении по поводу новинки, в противоречивых и разновекторных рекламных, политических и других сообщениях, постепенно упорядочивается или, как говорят авторы SCOT, срабатывает *механизм закрытия*. Закрытость отдельного устройства или технологии означает сформированность общественных представлений и институциональных ниш применения, то есть в целом всего ансамбля связей, ставших вполне рутинными.

Этнографическое исследование — а наш случай, представленный историей Зинаиды Михайловны, относится к этнографической реконструкции повседневности — является актуальным для развития SCOT. Как отмечают разработчики подхода: «Большое количество социальных групп, релевантных той или иной технологии, составляет проблему для изучения технологий с позиций микроанализа, который оказался настолько плодотворным в социологии науки при изучении жизни лабораторий» [Pinch, Bijker, 1984, p. 430–431]. Мы исходим из предположения, что наблюдение случая «использование компьютера пожилой женщиной-инвалидом» дает нам понимание соединений технического с телесным, кибернетического с витальным, кроме того, снабжает нас идеями о новых социотехнических ансамблях, в пределах которых болеющий человек строит свою идентичность, во многом опираясь на технических помощников.

Вот что говорит о себе Зинаида Михайловна:

Я любила читать. Потом пришло время, когда зрение у меня сильно стало падать, и я сделала операцию на один глаз. Но так как у меня здоровье очень плохое, то сама операция — после операции, вернее — был очень тяжелый период, боли страшные меня мучили, и всего-навсего в отличие от других, у меня зрение улучшилось на 50 процентов. .... И я, короче, без чтения не могла. Как быть? Во-первых, это одна причина, что я была отлучена от книг. Читать с лупой — это конечно не то. Во-вторых, как учитель физики, слушая «Эхо Москвы», где все на компьютерах и в компьютерных терминах, меня это страшно задевало, мое самолюбие, что я как «баран» ничего не понимаю. Поэтому постепенно у меня вызревала мысль, что надо купить компьютер. Тем более, что я живу одна, общаться мне, ну, по телефону, и все, больше некуда. Телевизор..., кроме канала «Культура», я особенно и не гляжу.

…Вот они (бывшие ученики, которые ухаживают и помогают) *мне купили антенну, чтоб я могла смотреть. Провели, на крышу поставили, чтобы я могла смотреть «Культуру» и купили приемник, потом купили «мобильник», потом купили микроволновку….И вот они … поехали и купили мне ноутбук за 26 тысяч. Я, конечно, понимала, что меня ожидает, но я хотела хотя бы, вот «Эхо Москвы». Знаю, что сайт, что там то-то, то-то. Хотя бы добраться, думаю, до «Эха Москвы» и могла бы читать. Сначала я занималась тем, что с дисков читала книги известные, там вон у меня этих дисков полно, и неизвестные. Потом, постепенно Валера* (бывший ученик) *мне объяснял, и мы добрались, что я могу теперь «Эхо…» читать. Вот у меня значит здесь семь сайтов: «Новая газета», «Комсомолка», «Эхо…», остальные там другие, которыми мы пользуемся — мультфильмы, потом кинозал. И мне этого достаточно, потому что по состоянию здоровья я много сидеть не могу. Я продвигаюсь медленно.*

Зинаида Михайловна, получившая уже в пожилом возрасте инвалидность, представляет по отношению к компьютеру одну из релевантных социальных групп — людей с ограниченными возможностями. Ушедшие девятнадцатое, а в большей степени двадцатое столетия сформировали новую концепцию болезни и физических проблем: болезнь и немощь были рационализированы («расколдованы»). Как написал М. Фуко: «болезнь отрывается от метафизики страдания», и «вопрос „Что с Вами?“, с которого начинался в XVIII в. диалог врача и больного, замещается вопросом «Где у Вас болит?»» [Фуко, 1998, с. 21, с. 293]. Одной из тенденций, воплотивших рациональное понимание болезни как явления, связанного с коллективной жизнью народа, стала политика поддержки людей ограниченных физических возможностей с помощью специализированной техники. Речь может идти и о медицинских технологиях, и об индустрии протезов, но, кроме того, и об адаптации техники массового использования к особенностям больного тела (например, автомобиль для инвалидов; принтер, печатающий выпуклый текст шрифтом Брайля, или компьютерная клавиатура, нацеленная на незрячих и слабовидящих и т. д.). Таким образом, хотя первый взгляд ассоциирует любую технику с группами молодых и полных сил, взгляд второй обнаруживает группу, по отношению к которой техника тоже релевантна — людей, ограниченных в своих физических возможностях.

Если обратиться к отрывкам из интервью с Зинаидой Михайловной, то ее ухудшающееся состояние здоровья сопрягается с нарастающей технологизацией быта: «*купили антенну, купили приемник, купили „мобильник“, купили микроволновку, купили ноутбук*». Здесь просматривается вполне типичное для нашего современника

понимание техники как делегата в выполнении работы, становящейся более быстрой и легкой по сравнению с ручными операциями.

Физические проблемы Зинаиды Михайловны, которые можно констатировать по ее рассказу, связаны с потерей зрения и способностью самостоятельно ходить на большие расстояния. По квартире Зинаида Михайловна ходит, но почти не выходит из своего дома ни в магазин, ни в какие-то другие места, которые посещает другой горожанин. При этом информант так описывает свою ситуацию, что акцентированной оказывается, прежде всего, информационная изоляция. Бывший учитель, сформировавший себя, по ее словам, с помощью чтения книг, Зинаида Михайловна не говорит об одиночестве, то есть социальной изоляции, не упоминает экономические стороны своей жизни, она выражает — как насущную — необходимость получать знания и информацию:

Я из семьи «ниже некуда»: мать моя была уборщица, отец, — кузнец. Никогда в нашей семье ни книги, ни газеты не было. Мама умела расписываться, отец тоже. ... Я могу сказать, что всему, чего я сейчас вот, ну, можно сказать, чем могу гордиться, я достигла благодаря чтению. ....

И все под рукой у меня. Я даже сейчас не представляю, вот если бы у меня не было компьютера. Читать я не могу. Газету? Ну, раз в неделю будет мне соцзащита приносить газету. Ну, вот она приносит мне каждую пятницу программу, там и эти сплетни, то, се. Но мне трудно читать с лупой. Мне интересно, но трудно даже. Разве это чтение? А здесь я получаю большой объем информации....Конечно же, тут есть увеличение. Здесь я нашла статью на сайте «Эха...», сейчас увеличила и быстро прочитала. ...

Когда я лежу в больнице, этот телефон имеет наушники, приставку, и мне тоже хорошо, я слушаю тоже «Эхо Москвы». Там есть приставки, через мобильный телефон.

Вот я вам и говорю, что передо мной перспектива... бездонная. Что мне надо жить еще очень долго. Понимаете? Вот даже эта цель... Он (компьютер) *меня поддерживает. А так бы что у меня оставалось? Вот представьте, я за все лето только четыре раза спускалась вниз. Вот балкон, и вот это замкнутое пространство. Ну, родственники у меня в деревне, они мне не помогают, я одна. Вот соцзащита. Я себя должна обслужить, стараюсь и сготовить.*

Компьютер Зинаиды Михайловны — это ее главный инструмент поддержания активной интеллектуальной деятельности, что для нее равноценно жизни. Она, как и все мы, употребляет слово «скачивать», имея в виду загрузку файлов из интернет. Казалось бы, этим она ничем не отличается от многих сегодня живущих. Однако точнее было бы сказать «благодаря компьютеру Зинаида Михайловна устраняет отличия, которые могли бы возникнуть

у человека с нарушением зрения и опорно-двигательной системы в процессе получения знаний и информации». Как представитель релевантной социальной группы людей с физическими ограничениями, наш информант подчеркивает важность компьютера как средства именно вернуть активность. Остались в прошлом работа, походы в библиотеку, в кино и театр, путешествия, а компьютер возвращает утраченные возможности: *«...а так бы что у меня оставалось?».*

В 50-е — 60-е гг. XX века, когда стали распространяться первые компьютеры, из среды инженеров-программистов в массы транслировалось настроение больших социальных ожиданий, связанных с появлением «думающих машин». Компьютер и способ организации данных в виде гипертекста оценивались как шанс усиления интеллектуальных способностей для всего человечества. Характерный пример таких размышлений о будущем человека в соединении с машиной — книга специалиста в сфере компьютерных технологий Д. Энегльбарта «Усиление интеллекта человека: концептуальные основания» [Engelbart, 1962]. В работе Д. Энгельбарта ключевую роль играли идеи, что человеческое сознание строится не по строго линейному принципу, а как сеть мыслей. Говоря об использовании сетевого принципа строения гипертекста, автор теоретизировал о том, что может сделать интеллект людей более эффективным, и пытался создать метод совместного распределения знания. Дальнейшие факты социальной биографии компьютера связаны с актуализацией его возможностей как средства коммуникации, и ранняя его интерпретация в качестве «интеллектуальной машины» сохраняется, полагаем, далеко не во всех релевантных социальных группах. Но в группе людей с физическими потерями способность компьютера хранить информацию и представлять ее в форме доступной для больного организма имеет первостепенное значение.

Процесс освоения компьютера приводит к появлению новых граней идентичности — идентичности пользователя. У Зинаиды Михайловны идентификация себя как компьютерного пользователя сопряжена с важными для ее положения ощущениями «я могу как все». Но, кроме того, широко распространенные коннотации компьютера как технологии молодых и активных, дают Зинаиде Михайловне сознание того, что она на стороне «идущих в ногу со временем»:

У меня перспектива, радость, что мне рано думать еще о старости, что я должна достичь такой вот быстроты работы с компьютером.

Ну, общаюсь я, конечно, с такими как я, коллегами, которые работали вместе со мной, и часто тоже такие больные люди, которые мало перемещаются. И вот я считаю, что я с точки зрения личности

выгляжу лучше. Я человек честолюбивый. Я в курсе всех событий, потому что на «Эхе...», там на сайте, умные люди все. И я обычно имею, что рассказать, всякого, и смешного, и серьезного. А вот если взять учительницу математики, с которой мы всю жизнь проработали, двоих детей я учила. Я разницу чувствую, потому что она рассказывает мне про болезни, да что готовила, да кто звонил, там дети, внуки. Все.

Еще интересно: у меня есть ученица, Таня Киченкова. Я учила ее и сестру. Она полуслепая и сидит дома. Она без мужа никуда не выходит.... И она вот освоила компьютер, который у них был, по методике слепых. Из Общества слепых к ней приезжали, ведь тоже человек с ограниченными возможностями, и она разбирается лучше меня. Но там по-другому, по голосу. И вот я ей говорю, что для общего развития прочитать, из того, что я раньше читала. Фильмы..., ну, фильмы, она говорит «я в основном слушаю, почти ничего не вижу». Мы с ней каждый день практически общаемся. Кто чего достиг, кто что «скачал». Это же тоже интересное общение, не просто там «Таня, как у тебя дела?». Мы отвлекаемся от ее болезни и от моей болезни.

(Без компьютера) *вид общения был бы один — болезни, еда, звонки знакомых, родственников и так далее. Однообразно и все. Информация о болезнях не меняется, а с ней тогда все отрицательно. Понимаете, у меня общение разнообразнее становится. С одними только о болезнях, с другими, там, с «историчкой» мы спорим политически. А с Таней мы по компьютерным делам. У меня виды общения уже разные.*

Приведенные отрывки из интервью раскрывают перформативную роль языка. Разговоры о болезни делают болезнь явной, овеществляют ее, в то время как избегание темы болезненных симптомов и лекарств конституирует реальность вне заболевания. Обращение с компьютером позволяет информанту выйти за пределы своей физической немощи и воссоздать себя в желаемом образе разносторонне развитой, интересующейся многим личности.

Интересно также то, что компьютерные возможности быть средством, поддерживающим общение, Зинаидой Михайловной не используются. Электронная почта, скайп, социальные сети не включены в ее обиход. Она говорит по этому поводу:

Не хочу. Начал Валера меня обучать, вот этой... электронной почте — не хочу, это мне не интересно абсолютно. Не хочу. Потом что-то еще в скайпе, тоже не хочу....То, что я по ней скучаю (по подруге), *это должно накопиться со временем как-то. А если каждый день будешь общаться.... И потом как-то мне кажется еще пока не натурально.*

Социальные связи информанта поддерживаются личными контактами, либо традиционными посредниками (бумажные письма, телефон). У Зинаиды Михайловны нет опыта компьютерно-опосредованной коммуникации, хотя ей демонстрировали эти

возможности, и она оценивает их как *«ненатуральные»*. Это очень существенно, поскольку ее взгляд является внешним взглядом на мир гипермедиации. Типичным для сегодняшнего дня будет, скорее, противоположная ситуация — человек постоянно открыт для возможности быть вызванным звонком или сообщением. Сложился новый этикет, требующий «быть на связи». Зинаида Михайловна проявляет в данном случае почти забытую нами привычку сохранять дистанцию, благодаря которой чувства и мысли, как она говорит, *«накапливаются»*. В неиспользовании Зинаидой Михайловной компьютера как средства коммуникации с другими людьми операционализируется идея интерпретативной гибкости техники, поскольку можно заметить, как представители различных релевантных социальных групп делают выборы и смещают акценты с, казалось бы, незыблемых атрибутивных функций технического устройства.

В фильме корейского режиссера Пак Чхан Ука «Я киборг, но это нормально» представлен случай идентификации героиней себя в качестве нового вида — киборга. Соединение биологического организма с инженерно сконструированными частями: является ли это сегодня шокирующей фантастикой или вполне обыденным процессом? По нашему мнению, яркий лейбл «киборг» приложим ко всем нам в силу постоянного достраивания наших физических возможностей миниатюризирующейся техникой. И именно жизнь пожилого человека, имеющего проблемы со здоровьем, но использующего новый гаджет, высвечивает вполне нефантастическое, а будничное техническое достраивание.

Заключение

В социологии до недавнего времени тело было отсутствующим объектом в связи с сохранением декартового различения между телом и разумом. Социальная теория тела игнорировалось за ненадобностью, так как два царства, «телесно-физическое» и «когнитивное», считались настолько различными, что приращение знания об одном не обязательно означало бы большее знание о другом.

В прошлом веке феноменология сделала общим достоянием тот факт, что мы воплощены, и что мы не можем избежать перспективы видения мира, который доступен только через наши тела. Современная социология склонна все больше и больше интересоваться телом и как инструментом, который сегодня усиливается техническими посредниками, и как результатом социального конструирования и множащихся медийных репрезентаций.

Библиография

1. *Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: «Всемирное слово», 1992./Интернет-источник: сайт виртуальной библиотеки «Lib.ru». URL: http://lib.ru/.*
2. *Булгакова О. Ленин и Сталин // Булгакова О. Фабрика жестов. М.: НЛО, 2005. С. 235–242.*
3. *Гавришина О. Ирония подобия: «Русские автопортреты» Дэвида Атти/Гавришина О. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М.: НЛО, 2011. С. 56–69.*
4. *Гофман 2001 а. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия/Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.*
5. *Гофман 2001 б. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью/Перевод с англ. М. С. Добряковой // Социологический форум. 2001. № 1. Интернет-источник: Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: http://ecsocman.hse.ru/text/17687311/.*
6. *Дашкова Т. Телесность — Идеология — Кинематограф: Визуальный канон и советская повседневность. М.: НЛО, 2013.*
7. *Кинг Д. Пропавшие комиссары: Фальсификация фотографий и произведений искусства в Сталинскую эпоху. М.: Контакт-культура, 2005.*
8. *Орлова Г. «Воочию видим». Фотография и советский проект в эпоху их технической воспроизводимости/Советская власть и медиа // Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. Сб. статей. СПб.: Академический проект, 2006. С. 188–203.*
9. *Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010.*
10. *Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. 1994. № 6. С. 137–167.*
11. *Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.*
12. *Ярская-Смирнова Е., Романов П. Образ власти и власть образа. Больное тело в культуре // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 18. С. 91–116.*
13. *Barnes C., Oliver M. The New Politics of Disablement. Basingstoke: Macmillan, 2012.*
14. *Bijker W. E. Sociohistorical Technology Studies // Handbook of Science and Technology Studies/Ed. by Sheila Jasanoff & Gerald E. Markle & James C. Peterson & Trevor Pinch. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 1995. P. 229–257.*
15. *Bonnell . E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley: University of California Press, 1997.*
16. *Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture, and Body. Berkley et al.: University California Press, 1995.*
17. *Butler J. Bodies that matter: On the discursive limits of 'sex'. New York: Routledge, 1993.*
18. *Drummond M. J. N. Men's bodies: Listening to the voices of young gay men // Men and Masculinities. 2005. Vol. 7. P. 270–290.*
19. *Engelbart D. Augmenting Human Intellect: A Conceptual Framework. Menlo Park: Stanford Research Institute, 1962.*
20. *Jones J., Pugh S. Ageing gay men: Lessons from sociological embodiment // Men and Masculinities. 2005. Vol. 7. P. 248–260.*

21. *Pinch T. J., Bijker W. E. The Social Construction of Facts and Artefacts: or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology might Benefit Each Other // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. P. 399–441.*
22. *Pope H., Phillips K., Olivardia R. The Adonis complex. The secret crisis of male body obsession. New York: The Free Press, 2000.*